

С. Межерицкая
Санкт-Петербург

**И. Ф. Анненский в воспоминаниях О. А. Федотовой
(новые материалы из личного архива
Вс. А. Рождественского)**

Ольга Александровна Федотова, урожденная Рождественская (1985–1978) была вторым ребенком в семье А. В. Рождественского, законоучителя Императорской Николаевской Царскосельской гимназии и настоятеля гимназической домово́й церкви Рождества Пресвятой Богородицы, и А. А. Рождественской (урожденной Казанской). С 1878 по 1906 годы семья жила в казенной квартире при Николаевской гимназии, располагавшейся в том же здании, а во втором этаже, прямо над квартирой Рождественских, находилась квартира директора гимназии – И. Ф. Анненского, который в течение 10 лет руководил этим учебным заведением (1896–1906). Помимо Ольги, в семье было еще двое детей – старший сын, Платон, закончивший ту же гимназию, и Всеволод, будущий поэт, успевший проучиться в ней несколько лет до переезда всей семьи в Петербург, на новое место службы А. В. Рождественского. Ввиду тесного соседства семей Рождественских и Анненских юная Ольга часто видела Анненского при самых разных обстоятельствах его жизни. Кроме того, мать Ольги, Анна Александровна, дружила с женой Анненского – Надеждой (Диной) Валентиновной, которая часто заходила в гости к Рождественским. Один раз А. А. Казанская даже присутствовала на литературном вечере у Анненского, на котором поэт в тесном кругу избранных слушателей читал свой перевод одной из трагедий Еврипида.

Об этих годах жизни семьи Рождественских в Царском Селе О. А. Федотова составила впоследствии довольно подробные мемуары – главным образом, в дневниках, которые писались ею в 1942–1945 годах в тяжелых условиях эвакуации, в селе Нарым Томской области.¹ «Я пишу эти воспоминания, – читаем мы в ее дневнике, – в Красном уголке, приткнувшись на подоконнике, т. к. в нашей комнате очень темно и нет настольной лампы.

Соседки по комнате – две сумасшедшие, с ними не столкнуться – угрожают кулаками и палкой, приходится приноравливаться к ним, а в других комнатах еще хуже. А маленькие комнаты все предназначены для семейных или же за особые заслуги...». Эти мемуары Ольга Александровна начала писать в те суровые годы с единственной целью – передать воспоминания своего детства и юности любимому младшему брату, к тому времени уже известному поэту Всеволоду Рождественскому, к которому Ольга Александровна на протяжении всей жизни сохраняла горячую привязанность. Первая тетрадь ее дневника начинается такими словами: «1942–1945 г. Нарым, местечко Верте-Кос. Пишу свои воспоминания для брата Вс. Рождественского. Попробую рассказать ему о первых годах его детства и о тех событиях, которые не могли сохраниться в его памяти. Думаю, что этот материал пригодится ему для его автобиографической повести,² которую он пишет, будучи на Ленинградском фронте, под обстрелами, рискуя каждую минуту своей жизнью. Может быть, судьба сохранит его, и мои записи дойдут по назначению».³

Судьба самой О. А. Федотовой оказалась не менее драматичной, чем судьба ее брата, Вс. А. Рождественского, на всю жизнь сохранившего восхищение поэтическим гением Анненского.⁴ Ольга Александровна закончила Мариинскую Царскосельскую гимназию, в которой она училась вместе с сестрами Горенко – Инной и Анной, первая из которых была ее близкой подругой. Часто бывая в то время в их доме, Ольга Александровна сохранила в своей памяти не менее ценные сведения о юной А. А. Ахматовой и начале ее романа с Н. С. Гумилевым.⁵ Вскоре по окончании гимназии Ольга Александровна поступила на Высшие женские Бестужевские курсы в Петербурге, где в то время преподавали такие выдающиеся ученые-филологи, как Ф. Ф. Зелинский, М. И. Ростовцев, Л. В. Щерба, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др. В 1920-е годы, она, спасаясь от голода, как и многие беженцы из Москвы и Ленинграда, уехала в глубинку – на родину своей матери, в с. Туртень Тульской области, где стала преподавать историю культуры в школе. Некоторое время она заведовала Отделом народного образования в г. Ефремово (там же, в Тульской области). А, кроме того, в находившемся неподалеку имении Лермонтовых – Кропотово, принадлежавшем до революции В. В. Лермонтову (родственнику поэта

по отцовской линии) и к указанному времени давно заброшенному, – ей удалось организовать «детский дошкольный дом» (детский сад). В своих дневниках Ольга Александровна живо передает свои впечатления от приходящего в разрушение господского дома, в котором ей довелось прожить целую неделю и даже спать в комнате, некогда служившей кабинетом отцу М. Ю. Лермонтова – Юрию Петровичу Лермонтову. Позднее Ольга Александровна вернулась в Ленинград, где оставалась до самой войны. Первую блокадную зиму 1941–1942 годов она провела в осажденном городе, потеряв за это время мать, мужа и отчима (после смерти А. В. Рождественского А. А. Казанская повторно вышла замуж). В 1942 году, как уже упоминалось, она была эвакуирована в Томскую область, и вернулась в Ленинград сразу после освобождения города. После войны Ольга Александровна заведовала детской районной библиотекой и всегда с большим интересом следила за творчеством своего брата, Вс. А. Рождественского. В 1948 году она передала ему свои дневники военного времени, которые до смерти поэта хранились в его личном архиве.

Предлагаемый к публикации отрывок из дневников О. А. Федотовой содержит, как говорилось выше, ее воспоминания о своей юности, проведенной в Царском Селе в близком соседстве с семьей Анненского. Некоторые воспоминания О. А. Федотовой об Анненском уже публиковались ранее А. В. Лавровым и Р. Д. Тименчиком⁶ – это ее письмо к Вс. А. Рождественскому, датированное 28 марта 1969 года. Однако письмо было написано ею намного позднее упомянутых выше дневников и в значительной мере на их основе, что указывает на его вторичность по отношению к мемуарам военного времени. Кроме того, воспоминания, содержащиеся в письме к Вс. А. Рождественскому, оказываются отчасти неполными по сравнению с теми, которые приводятся в ее дневниках, отчасти же посвящены совсем другим историческим деталям и эпизодам. Таким образом, предлагаемый вниманию читателей отрывок из дневников О. А. Федотовой, с одной стороны, более рельефно очерчивает уже знакомые нам по ее письму обстоятельства жизни Анненского, а с другой – как в случае с пассажем о Е. М. Мухиной – проливает некоторый свет на отдельные, до сих пор мало известные стороны его личной жизни.

<...> Мы переехали на другую квартиру по тому же коридору, но окна выходили не на бульвар, на Малую улицу.⁷ Палисадник из акаций закрывал вид на дорогу, и только из столовой можно было наблюдать жизнь улицы. Она была широкая и малолюдная. Окна моей девичьей комнаты выходили в сад директора Иннокентия Анненского. Над комнатой был балкон, на котором часто сидел поэт, мечтал и томился «в современных формах прекрасного». Тогда И. Анненский не был известен как поэт, но мы, молодежь, знали, что он что-то пишет. Впервые нам открыла эти «тайны» его жена Дина Валентиновна, которая любила заходить к нам и поговорить с мамой на отвлеченные темы. Помню, как она однажды за чаем сообщила таинственным голосом, что скоро о «Кене» все заговорят, он будет известным человеком, и что сейчас его никто не понимает, что он «выше своей эпохи». Эту фразу я запомнила и поделилась своим впечатлением с Алешей.⁸

Дина Валентиновна была не совсем обыкновенная женщина – когда-то красавица, превратившаяся в молодящуюся старушку, накрашенную до смешного.⁹ «Размалеванная», – так говорили гимназисты. Она была старше Иннокентия Анненского на 20 лет. Сын ее от первого мужа был ровесником поэту. Разница лет и старость угнетали ее, она ревновала мужа,¹⁰ который был «богат внешностью»,¹¹ производил впечатление интересного, загадочного человека. Одно время он стал часто появляться в парке, на улице, на вокзале с одной красивой, умной дамой Е. К. (Клеменс-Мухина).¹² Гимназисты по этому поводу остряли и иногда очень нехорошо. Думаю, что отношения между Ин. Анненским и Е. К. были сложнее и серьезнее, т. к. вскоре разразилась драма: Дина Валентиновна отравилась. Весть об этом разнеслась по всему городу, но драма окончилась благополучно.

Я хорошо знала Е. К. (Клеменс), т. к. одно время брала у нее уроки французского языка. Мне нравилась ее квартира (муж Е. К. был преподаватель в гимназии – Мухин). Ковры, диваны и много, много книг. На стенах – старинные портреты, на столах – живые цветы и разбросанные журналы. Ничего мишурного, ничего лишнего. Сама Е. К. поражала своей оригинальной внешностью: смуглая, с римским профилем и большими темными глазами, она напоминала

женщину античного мира. Высокая, стройная, с плавными движениями, она невольно останавливала на себе внимание не только мужчин, но и женщин. Голос у нее был неприятный – низкий и хриплый, это скорее портит ее.

Молодежь не понимала Иннокентия Федоровича – он многих отталкивал своим надменным «накрахмаленным» видом. Подойти к нему просто, как к человеку, удавалось немногим. Близкие к нему люди отзывались о нем иначе. Помню, однажды он пригласил маму к себе на литературный вечер. В очень «тесном» кругу близких друзей он читал свой новый перевод «Ифигении в Тавриде». ¹³ Этот вечер произвел сильное впечатление на маму. Перевод – прекрасный, читал он очень хорошо, кроме того, мама была тронута его вниманием к себе. Гимназисты не любили его – ни как директора, ни как человека. Помню, как-то собрались у меня в комнате пансионеры, товарищи Алеша и Платона. Из окна нам было видно, как по дорожкам сада медленно, величественно прогуливался Иннокентий Федорович. Кто-то из гимназистов встал в «позу» и иронически продекламировал, подражая Иннокентию Федоровичу Анненскому:

Нет, не надо сердцу алых,
Сердцу дайте роз поблеклых,
Гиацинтов небывалых,
Лилий, вянущих на стеклах.¹⁴

<...> Алеша и Платон готовились к выпускным экзаменам. Все мы стояли на пороге <новой> жизни и жадно глядели в загадочное будущее. Улицы нашего городка стали казаться нам слишком узкими, ... в парке уже исхожены были все дорожки, а мраморные богини давно наскучили своей неподвижностью. Только «Девушка с разбитым кувшином»¹⁵ все также манила к себе, все также горячие губы тянулись утолить жажду студеной водой:

Здесь навеки меня отразили пруды
И горчит на морозе рябина,
Оттого, что я выпил когда-то воды
Из разбитого девой кувшина.¹⁶

Всеволод Рождественский

<...> Алеша и я часто уходили или, как мы выражались, «удирали» в Павловск на музыку. Как памятна дорожка «дубками», Павловский парк и, наконец, вокзал! Мы не замечали нарядной, чопорной толпы, нам не было никакого дела до того мира, который окружал нас. Музыка, одна музыка и наши любящие сердца – вот чем мы жили в этом огромном Курзале. Я любила, когда исполняли *Andante Cantabile* Чайковского или «Сомнение» Глинки. <...> Гимназистам-пансионерам не разрешалось бывать на музыке в Павловске,¹⁷ поэтому нам приходилось прятаться от «начальства», и все-таки <мы> часто нарывались на... Ин. Анненского, и нас отправляли домой.

¹ Дневники О. А. Федотовой хранятся в настоящее время в семье дочерей поэта Вс. А. Рождественского – Т. В. и М. В. Рождественских, любезно предоставивших эти материалы автору статьи.

² Речь идет о литературных мемуарах Вс. А. Рождественского, опубликованных позднее в следующем издании: *Рождественский Всеволод*. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.; Л., 1962.

³ Тетрадь с этими записями Вс. А. Рождественский получил уже после войны, когда О. А. Федотова вернулась из эвакуации в Ленинград.

⁴ Воспоминания Вс. А. Рождественского об Анненском опубликованы: *Рождественский Всеволод*. Указ. соч. Кроме того, Анненский упоминается во многих стихотворениях Вс. А. Рождественского, некоторые из которых специально посвящены поэту: «Иннокентий Анненский» (1916), «Иннокентий Анненский (Две тени)» (1976), «Памяти Ин. Анненского» (1980), а также «Надпись на книге “Тихие песни” Ин. Анненского» (1924).

⁵ См. об этом: *Рождественский Всеволод*. Н. С. Гумилев (Из запасов памяти) // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1994. С. 401–426.

⁶ См.: Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. Л., 1983. С. 61–68.

⁷ Речь идет предположительно об осени 1899 г.

⁸ Павлов Алексей – товарищ и однокашник Платона Рождественского по Николаевской Царскосельской гимназии, жених Ольги Рождественской, скончавшийся от туберкулеза в 1903 г. в одном из санаториев Швейцарии.

⁹ Воспоминания О. А. Федотовой о Д. В. Анненской находят параллели с описанием жены Иннокентия Федоровича, данным Б. В. Варнеке в его очерке «И. Ф. Анненский» (см.: Иннокентий Анненский глазами современников. СПб, 2011. С. 166–174).

¹⁰ Повод для этого давали, как известно, особые доверительные взаимоотношения Анненского с некоторыми женщинами из его ближайшего окружения – О. П. Хмара-Барщевской, Е. М. Мухиной и А. В. Бородиной, с которыми он также состоял в переписке и которым посвящал свои стихотворения (см.: *Подольская И. И.* Из неопубликованных писем Иннокентия Анненского // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. Вып. 5. С. 462–469; 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 49–57; *Анненский И. Ф.* Письма. Т. I–II. СПб., 2007–2009).

¹¹ Судя по всему, в кавычки взяты слова самой Д. В. Анненской.

¹² Мухина Екатерина Максимовна, урожденная Клеменц (1871–1942?) – преподавательница французского языка (в частности, в Царскосельском училище М. А. Никитиной), жена А. А. Мухина, с 1891 по 1906 г. преподававшего *русский, латинский и греческий языки, а также логику* в Николаевской Царскосельской гимназии.

¹³ Как верно отмечали в упоминавшейся выше публикации А. В. Лавров и Р. Д. Тищенко, здесь О. А. Рождественской допущена ошибка – речь могла идти только о трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде» (в переводе Анненского: «Ифигения – жертва»), впервые опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1898 г. (Март. С. 97–147; Апрель. С. 1–27). Трагедия же «Ифигения в Тавриде» (в переводе Анненского: «Ифигения – жрица») была переведена значительно позднее и впервые увидела свет лишь в 3-м томе «Театра Еврипида», изданного в 1921 г. под редакцией и с комментарием Ф. Ф. Зелинского (С. 167–249).

¹⁴ Неточно процитированное четверостишие из стихотворения Анненского «Параллели» («Тихие песни»):

Но не надо сердцу алых, –
Сердце просит роз поблеклых,
Гиацинтов небывалых,
Лилий, плачущих на стеклах.

¹⁵ Имеется в виду фонтан «Молочница» в Екатерининском парке Царского Села, называемый также «Царскосельская статуя».

¹⁶ Четверостишие из стихотворения Вс. Рождественского «Если не пил ты в детстве студеной воды...» (между 1925 и 1928 гг.).

¹⁷ В соответствии с правилами поведения учеников, действовавшими в Николаевской Царскосельской гимназии, любые развлекательные мероприятия (спектакли, концерты, общественные собрания и т. п.) гимназистам разрешалось посещать только в сопровождении взрослых – «родителей, совершеннолетних родственников или лиц, которым ученики поручены от родителей».